

Остров четырех стихий. Барбара.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

НИНА САММЕР

18+

Нина Саммер

Остров четырех стихий. Барбара

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72269926
SelfPub; 2025*

Аннотация

Остров четырёх стихий. Барбара – вторая книга чувственной серии о женщинах, чьи судьбы навсегда меняют загадочные и чарующие острова Селарис.

По приглашению сестры Барбара прилетает на острова – всего лишь с намерением наладить отношения с Илайджем и поставить уютное рождественское представление. Но у этого места – свои правила. Свои тайны.

В её жизнь внезапно входит Авалон – шаман воды. Между ними возникает пугающе глубокая связь, словно их души давно знакомы, а каждая встреча предрешена.

Погружаясь в мир древних легенд и стихий, Барбара всё острее чувствует: волшебство действительно существует.

Но готова ли она принять эту новую реальность? И какую цену потребует остров за любовь, подаренную им?

Нина Саммер

Остров четырех стихий. Барбара

Остров четырех стихий. Барбара

Глава 1: Красное платье.

Стейси просто помешалась на красном цвете – всё началось после её отдыха на островах.

А теперь ещё и свадьба в красной гамме.

Скоро Рождество – и без того весь город окутан красным больше, чем следует. И тут ещё это платье подружки невесты – алое, яркое, вызывающее. Я разглядывала его, ощущая внутренний протест.

Атласная ткань струилась, мягко обнимая силуэт. Лиф, расшитый камнями, искрился на солнце.

Я бы выбрала голубой – нежный, чистый, небесный. Но это была не моя свадьба.

Платье шили специально под меня, с учётом фигуры. Стейси с мамой уговаривали примерить его заранее, но я всё откладывала. И вот дотянула – сегодня день свадьбы.

Хоть бы оно налезло... и застегнулось.

Лиф – без лямок. Выдержит ли?

В голове промелькнула жуткая фантазия: я подпрыгиваю, ловя букет, лиф соскальзывает... и мои «подружки» приветствуют всех гостей.

Меня передёрнуло.

Запомнить: за букетом не прыгать.

В дверь постучали.

– Дорогая, ты готова? Илайдж уже приехал! – раздался голос мамы.

– Почти, мам! Пусть поднимается ко мне!

Я влезла в платье, ухитрилась застегнуть молнию, вывернув руку, и повернулась к напольному зеркалу.

Обомлела.

Оно сидело идеально. Струилось по телу, подчёркивало всё, что должно: тонкую талию, округлые бёдра, полную грудь. Я редко ношу что-то обтягивающее – предпочитаю просторные вещи. Но, видимо, зря.

Я была... очень даже привлекательна.

Быстро поправила локоны, закреплённые плойкой, ещё раз взглянула в зеркало. Цвет платья тонко перекликался с моими волосами – тёплый, насыщенный, цвет капучино.

Я затаила дыхание.

Сейчас он зайдёт. Увидит. Обомлеет.
Дверная ручка дёрнулась, и он вошёл.

– О, ты такой роскошный! – заулыбалась я.

Илайдж был одет строго по дресс-коду: чёрная рубашка, чёрные брюки, лакированные туфли.

– Абсолютно с тобой согласен, – ответил он и подошёл к зеркалу.

Осмотрел себя, перекатился с носков на пятки. Щёлкнул каблуками, смахнул с плеча невидимую пылинку. Затем повернулся ко мне спиной и сказал:

– Думаю, эти вещи подчёркивают мою фигуру. Как песочные часы. Посмотри, какие у меня плечи и бёдра.

Я медленно подняла брови. Не знала, что ответить.

Он сильно изменился за последний год. Прибавил в весе, стал менее подвижным. Его мучила одышка, он часто потел, и живот уже невозможно было не заметить.

А ведь он ещё такой молодой...

Я действительно за него переживала.

Но каждый раз, когда предлагала вместе заняться спортом или хотя бы прогуляться, он обижался.

Когда мы познакомились – на первом курсе юрфака – он был совсем другим. Спортивный, улыбчивый, романтичный. Цветы почти каждый день. Первый парень. Первый мужчина.

Но потом его отец – известный юрист – попался на взятке. Его посадили. Илайдж очень любил его, был к нему привязан.

В семье начались финансовые проблемы. У него – перепады настроения.

Я старалась быть рядом. Поддерживать. Понимать.

– Илайдж, а как тебе мой вид? – спросила я, нанося красную помаду. По-моему, это была первая красная помада в моей жизни.

Он поморщился.

– Если честно, мне не очень нравится.

– Что? Почему?

Я разочарованно посмотрела на своё отражение. И правда... может, слишком ярко?

– Потому что, Барб, ты выглядишь вызывающе. Как девушка, которая хочет привлечь к себе внимание всех мужчин. Легкодоступно, понимаешь?

Я сглотнула. Что-то внутри будто треснуло.

– Да... пожалуй, ты прав, – выдохнула я.

Взяла ватный диск и стёрла помаду.

Потом достала из коробки лёгкую чёрную шаль с блёстками и накинула на плечи – прикрыть эту дерзкую откровенность.

– Так лучше? – спросила я.

– Лучше. Но было бы ещё лучше, если бы твоя сестричка думала не только о себе, когда выбирала цвет для свадьбы.

Меня кольнуло. Я любила Стейси. А он снова...

Меня это злило.

В дверь снова постучала мама.

– Можно к вам?

– Да, мам, заходи.

Она вошла – элегантная, красивая, в идеальной укладке и сдержанном макияже.

– О, дорогая, как тебе идёт это платье! Какая же ты красавица! Тольконими, пожалуйста, эту шаль. Зачем ты прячешь такую красоту?

Илайдж громко прокашлялся.

Мама не обратила внимания.

– Илайдж, вот тебе галстук-бабочка. У всех мужчин будет такой.

Она протянула ему бабочку, сшитую из той же ткани, что и моё платье.

– Снова красный, – презрительно процедил он. – Как язычники.

Мама сделала вид, что не услышала, и помогла ему надеть аксессуар.

– Поторопитесь, мы выезжаем через пару минут, – бросила она, уходя.

Илайдж подал мне руку. Его ладонь была влажной. Он сжал мои пальцы чуть сильнее, чем нужно.

Мы вышли из комнаты. На первом пролёте лестницы он снова задержался, посмотрел на себя в зеркало.

– Может, ты всё-таки снимешь эту шаль? – процедил сквозь зубы. – Я не хочу, чтобы люди думали, что ты прячешься от чего-то. Это же праздник.

Я посмотрела на него, прищурилась.

Он всегда так – под видом заботы управляет мной.

Молча стянула шаль с плеч, скомкала её в руке. Он довольно кивнул.

А я подумала, что сделала это не ради него.

А ради себя.

Потому что мне надоело прятаться.

Потому что, оказывается, – мне идёт красный.

Глава 2: Свадьба Стейси.

Особняк, где проходила свадьба, когда-то принадлежал

королевской семье. Теперь – это арендуемое место для мероприятий, но всё ещё хранившее дух величия.

Белоснежные колонны, позолоченные карнизы, лепнина под потолком и зеркала в старинных рамах – всё говорило о прошлом, в котором здесь, возможно, играли вальсы и проносили тосты под звон бокалов с шампанским.

Сегодня в зале царствовал красный.

Красные цветы – розы, георгины, анемоны. Красные дорожки. Красные ленты. Всё – в цвете, который символизирует любовь Стейси и Максима.

Слева от свадебной арки, увитой живыми цветами, выстроились подружки невесты. Мы были в одинаковых платьях.

Я подошла к ним, и меня встретили знакомые лица.

Карен первой повернулась ко мне – её кожа цвета бронзы, яркий макияж, а волосы собраны в высокую афроприческу, украшенную золотистыми заколками. Она выглядела как жена рэпера и всегда вела себя соответствующе – дерзко, уверенно, с лёгким пренебрежением к условностям.

– Барби! – воскликнула она с широкой улыбкой, хлопнув ресницами. – Ну, теперь мы точно порвём этот день. Все про-

сто ослепнут.

Роуз – высокая, почти модельного роста, со смуглой кожей, каре и горящими, огромными глазами. В её взгляде всегда была искра: темпераментная итальянка, она говорила быстро, ярко жестикулировала, а эмоции у неё всегда были под кожей.

Сегодня она сдерживала их, но я всё равно чувствовала, как внутри неё бурлит вулкан. Она гладила свой глубоко беременный животик.

Нэнси стояла последней. Коренастая, уверенная, с прямой осанкой. Длинные каштановые волосы собраны в хвост, на лице – лёгкий макияж. Она держала руки скрещёнными и смотрела на гостей, как телохранитель в платье.

Её голос, когда она заговорила, прозвучал уверенно, но неожиданно мелодично:

– Главное – чтобы жених не упал в обморок, когда увидит нашу Стейс. Иначе придётся нам снять каблуки и придержать его до конца церемонии.

– Девочки, какие планы на завтрашнее утро? – протянул Майк, друг жениха, стоявший по правую сторону арки. На нём была та же красная бабочка, что и на остальных, но он уже успел растрепать пшеничные волосы и расстегнуть верхнюю пуговицу рубашки. Улыбка до ушей, взгляд – самый са-

модовольный. – Всю жизнь мечтал проснуться между двумя брюнетками. Может, поможете исполнить мечту?

Роуз вскинула бровь и скользнула по нему ледяным взглядом:

– Только если ты проснёшься в морге. Обещаю, постою рядом и скажу что-нибудь приятное на прощание. Извращенец.

Нэнси даже не повернула головы:

– Не переоценивай себя, сладкий. Ты и одной-то не выведешь. А мы вдвоём – это уровень «финальный босс».

Мы расхохотались, уже не стараясь быть тихими. Остальные друзья жениха громко заулюлюкали, с удовольствием подначивая неудачливого ловеласа.

Майк театрально прижал ладонь к груди:

– Ах, как больно! Ну ничего... Хотя бы повеселил вас, девочки. – Он подмигнул, явно довольный эффектом.

Музыка сменилась.

Заиграл торжественный аккорд – и зал тут же притих.

Свадебная арка затрепетала в свете. Гости повернулись. И в дверях появилась Стейси.

Ошеломляюще красивая! Она шла медленно, под руку с нашим отцом. Её белое платье, длинное и лёгкое, струилось за ней шлейфом, как облако. Её белокурые кучеряшки обрамлял венок из живых красных цветов. Впереди неё вышагивали и сыпали лепестки дети Роуз.

Наш папа старался быть сдержанным. Он был с сединой в висках и благородными чертами лица. Его губы были плотно сжаты, взгляд – твёрдый. Но глаза блестели, и в этой сдержанности было нечто пронзительное. Он не позволял себе слёз, но руки его дрожали.

Он вёл Стейси как принцессу. Осторожно, будто боялся разбить.

– Папа... – прошептала Стейси. – Только не начинай, а то я сейчас зареву прямо у алтаря.

– Я держусь, – тихо сказал Виктор. – Ты – моя дочь. Моя гордость. И если он тебя обидит... Я всё ещё в форме.

Она улыбнулась ему сквозь слёзы.

Он поцеловал её руку и передал её Максиму, который, как будто забыл дышать.

Он посмотрел на неё так, как будто весь мир исчез. Его губы дрожали, в глазах стояли слёзы. Он сделал шаг вперёд,

будто не выдержал расстояния.

Наши мамы, со стороны Стейси и Максима, сидели рядом, держась за руки. Одна – с выразительным лицом актрисы, другая – с мягкими глазами и морщинками улыбок. Они обе плакали, не пытаясь сдерживаться.

Я смотрела на них – на эту картину, полную света, любви и тихого счастья – и чувствовала себя... чужой.

Илайдж стоял немного позади. Его руки были скрещены на груди, взгляд рассеянный. Он не улыбался.

Я поймала себя на мысли: а у нас так будет?

Банкетный зал словно дышал счастьем. Воздух звенел от голосов, тостов и смеха, искрился переливами бокалов, наполненных вином. Музыка лилась рекой, вплетаясь в ароматы изысканных блюд, и всё это складывалось в нечто почти волшебное – вечер, где время словно остановилось, чтобы запомниться навсегда.

Майк, как заведённый, без усталости шутил и клоунадничал. Он явно надеялся произвести впечатление на девушек, но те смотрели на него с ленивым снисхождением, будто на весёлого пса, что гоняется за собственным хвостом. Вряд ли у него сегодня было много шансов на любовь.

Для нас выступала музыкальная группа под аккомпанемент живого оркестра. Зал наполнился южными ритмами, и мы с девочками пустились в пляс. Мы смеялись, обнима-

лись, кружились, почти теряя равновесие от вина и счастья. Всё вокруг было настоящим праздником жизни.

Музыка сменилась на медленную. Зал словно выдохнул, стих. На сцене запела женщина – душой, с надрывом. Какая-то знакомая песня из моего детства. Я вздохнула и стала искать глазами Илайджа. Вокруг пары уже сливались в танце, обнимались, покачивались в унисон – как старшеклассники на выпускном балу.

И вдруг взгляд зацепился за необыкновенную сцену. Я глазам своим не поверила! Майк прижимал к себе Нэнси. Она почти повисла на нём, обняв за шею, их тела двигались слишком близко. Я тихо усмехнулась: возможно, это вечер какой-то волшебный, если даже у такого шута, как Майк, появился шанс...

И в этот момент – тёплые, знакомые ладони коснулись моей талии. Илайдж. Я повернулась, прижалась к нему, положила голову на его грудь, и мы медленно закружились. Всё было так спокойно, так сладко... Я подняла лицо к нему, в ожидании поцелуя – и вдруг всё во мне оборвалось.

Его взгляд был ледяным. Жёстким. Почти сумасшедшим.

Я знала этот взгляд. Скандал был неизбежен. Почему он всегда выбирает худшее время?

– Скажи мне честно, – процедил он сквозь зубы, – ты уже спала с этим Стивом? С коллегой Стейси? Я всё видел – как

ты с ним флиртовала. Всё понял сразу. Это всё её рук дело – она его пригласила, чтобы свести вас! Я же знаю, твоя семья ненавидит меня. Всё из-за моего отца. Из-за этих чёртовых денег! Я слишком беден для твоей надменной, проклятой семейки!

Я отшатнулась, как от пощёчины. Жгучий стыд и леденящий ужас скрутили горло:

– Да что ты несёшь... – прошептала я, едва дыша. – Моя семья никогда... никогда не говорила ничего о твоих финансах!

Я судорожно обвела зал взглядом – вроде никто не смотрел, никто не слушал.

– А Стив – просто знакомый. Он пришёл со своей девушкой, Китти! Ты мог бы заметить, если бы не был ослеплён ревностью.

Я вздохнула.

– Да, если хочешь знать, Стейси против тебя. Но не из-за семьи. А потому что ты... ты доводишь меня до слёз, Илайдж. Понимаешь?

Он сжал губы в тонкую линию. В голосе звенела злость:

– С тех пор как ты перешла на театральный, ты будто перестала быть собой. Ты сошла с ума! Ты не хочешь вести се-

бя нормально!

Он резко оттолкнул меня. Больно – и телу, и душе. И ушёл.

Танцующие рядом с нами, конечно, всё поняли. Но вежливо сделали вид, что не заметили. Среди них вроде не было моих знакомых.

А я... я не сдержала слёзы. В груди всё сжалось, дыхание стало рваным. Я, спотыкаясь, направилась в туалетную комнату – место, где можно было спрятаться.

Она была такая же величественная, как и весь зал. Мрамор, лепнина, позолота... роскошный интерьер, в котором я вдруг почувствовала себя крошечной и беспомощной. Я посмотрела в зеркало в тяжёлой раме и не узнала себя. Заплаканная девочка с испуганными глазами. Мне стало так стыдно за то, что я позволяю себе это – в главный день своей сестры. Я должна взять себя в руки.

– Давай, Барб, соберись, – прошептала я.

Я умылась, промокнула лицо салфеткой. Макияж почти не спасся, но взгляд стал чуть яснее. Я натянула на себя улыбку и вернулась в зал.

Я прошла к своему месту. Танцевать больше не хотелось. Я ковыряла в тарелке кусок лосося под странным соусом, не

чувствуя вкуса.

В этот момент ведущий громко объявил в микрофон:

– Внимание, дамы! Сейчас невеста будет кидать свой свадебный букет! Приготовьтесь – кто поймает, та следующая выйдет замуж!

Вся женская половина гостей зашумела и столпилась у танцпола, кто-то визжал от азарта, кто-то делал вид, что не придаёт этому значения, но всё равно встал ближе. Я даже не пошевелилась. Ловить букет не входило в мои планы. Я осталась за столом ковырять рыбу.

И всё же... свадебный букет из красных роз, как в замедленном кино, описал в воздухе дугу – и с поразительной точностью шлёпнулся прямо в мою тарелку.

Я застыла, уставившись на него. Капли соуса на лепестках выглядели почти как кровь. Чувства были странные, сбивчивые – от смущения до какого-то глухого, необъяснимого страха. Я не хотела этот букет. Я не звала его. Но он выбрал меня сам.

Ведущий, подскочив ко мне, с улыбкой до ушей сунул мне в руки микрофон.

– Ну что, победительница! Пара слов?

Я вздрогнула, растерянно посмотрела в зал и встретилась глазами с сестрой и её мужем.

Они были невероятно красивы. Светились от счастья. И я – не выдержала. Слезы снова полились – теперь уже в микрофон.

– Простите меня за эту истерику... – всхлипнула я. – Я сегодня... особенно чувствительная.

Стейси посмотрела на меня, мягко коснулась рукой сердца и послала воздушный поцелуй. Я продолжила:

– Я тоже люблю тебя, Стейси, – прошептала я в микрофон, потом громче: – Я поднимаю этот тост – за любовь. За ту самую, где можно быть собой. Где тебя принимают со всеми шрамами, страхами и мечтами.

Спасибо вам, Стейси и Максим, за то, что вы верите в настоящую любовь. И – учите меня в неё верить.

Поднимем бокалы за неё – за любовь, сильнее всего на свете.

Хрустальный звон, одобрительный гул, свет и смех – зал вновь ожил.

Ко мне подсели Стейси и Максим. Они уже заметили, что мой парень пропал. Догадались, что мы опять поссорились, но ни о чём не спрашивали – стараясь не доставлять мне дискомфорт. Стейси обняла меня за плечи, её прикосновение

было мягким, тёплым – как одеяло детства.

– Спасибо тебе за тёплые слова, – произнёс Максим своим бархатным голосом. – Ты же знаешь, что мы сейчас плотно занимаемся развитием нашего курорта. И мы решили провести наш медовый месяц именно там – на островах. В нашем «Раю». И... мы бы очень хотели, чтобы вы с Илайджем присоединились.

– Это может исправить ваши отношения, – тихо добавила Стейси. – Может быть, поможет и вам. Мы готовы принять его и полюбить, если он... если он перестанет тебя ранить.

Я замерла. Сердце застучало быстрее. В голове побежали мысли: *“А вдруг он не захочет? Вдруг мы доведём это до точки невозврата? Я не была уверена, что хочу с ним туда ехать. Но... шанс – это уже больше, чем ничего.”*

– Вы серьёзно?... Я... я просто счастлива! Я столько раз мечтала туда попасть! А сейчас, когда между нами всё так сложно... это действительно может всё исправить! – я буквально захлопала в ладоши.

– Кстати, – улыбнулась сестра, – у меня идея: ты можешь организовать рождественскую постановку прямо там – с участием туристов и местных. Будет тебе творческий вызов! А ещё это развлечёт туристов. Ведь традиционно на этих ост-

ровах не отмечают Рождество, и у отдыхающих нет настоящего праздника. А так, возможно, появится новая традиция.

– Это звучит как сказка! – выдохнула я. – И как вызов, который я давно искала.

Максим ободряюще похлопал меня по плечу:

– Мы верим в тебя, Барб. Ты справишься.

Я посмотрела на них – и вдруг почувствовала, как внутри разгорается тёплое пламя. Надежда. Чистая, светлая.

Вот она – моя новая глава!

Глава 3: Собака и бизнес-класс.

Мы встретились в аэропорту. Я буквально светилась изнутри от предвкушения – не могла стоять на месте, постоянно переступала с ноги на ногу, как ребёнок накануне Рождества.

– Скоро сможем снять тёплые вещи и натянуть купальники, – с улыбкой сказала Стейси. – Надеюсь, влезу в свой... Максим меня бессовестно закармливает.

– Ты в отличной форме, – уверила я её с искренним восхищением.

Но мой взгляд невольно скользнул по Илайджу. С момента свадьбы он, кажется, стал... ещё крупнее. Ну да ладно, подумала я. Морской воздух, плавание в океане, фрукты, солн-

це – всё это может творить чудеса.

Похудеем, похорошеем. Все.

На плече у меня болталась дорожная сумка, в другой руке – габаритная переноска с Барни, моим неугомонным джек-расселом. Пёс рычал, высунув нос сквозь вентиляционные решётки: объект его тихой ненависти маячил в полуметре – Илайдж. Барни щёлкал зубами, мечтая откусить у него кусочек.

– А пса, может, "случайно" забудем на взлётной полосе? Шучу, шучу! – подмигнул Илайдж, будто только что отпустил шедевр остроумия.

Я простила ему эту шутку. Барни действительно вёл себя некультурно.

Мы пошли на посадку. Максим и Стейси шли чуть впереди. Он, как настоящий мужчина, нёс их сумки – свою и её. Не жалуясь и не ворча, просто так, будто это само собой разумеющееся.

Я сама тащила тяжёлую сумку и неудобную переноску. У Илайджа за спиной болтался только его рюкзак.

Я покосилась на него. Может, попробовать то, о чём недавно читала? Психология утверждает, что мужчины обожают чувствовать себя героями рядом с "девицами в беде".

– Милый, ты можешь помочь мне с сумкой? – я наигранно поджала губы и изобразила утомление. – Она тяжёлая... у меня рука уже болит...

Илайдж даже не посмотрел на меня.

– Барб, ну ты же знаешь... у меня больная спина. Мама вообще была против того, чтобы я даже свой рюкзак тащил! Но я сразу сказал ей: "Мама, Барбара – моя женщина, и я не допущу, чтобы она таскала мой рюкзак!"

Он улыбнулся сам себе, гордый собственной выдумкой.

– Тебе повезло со мной, детка. Хотя, если честно, этот шкаф Максим мог бы и предложить нам помощь.

Я внутренне застонала. Господи... он опять начал.

– Богатый засранец думает, что, раз оплатил эту чёртову поездку, то купил меня! Но не тут-то было! – голос Илайджа уже повышался. – Мой отец воспитал меня иначе. Габбингтоны не продаются!

Я едва сдержала усмешку. Громкие слова – учитывая «воспитание» отца, сидящего по коррупционной статье... Я сглотнула сарказм: спорить бессмысленно. Я знала этот тип гнева – вспышка, за которой всегда приходит усталость. Лучше просто промолчать. Иначе он заведётся, и весь полёт пройдёт под его монотонное бурчание.

Мы прошли в самолёт. Бизнес-класс.

Моё сердце ёкнуло – я ни разу не летала в таких условиях. Просторные кресла, мягкий свет, шампанское в хрустальных фужерах... Всё выглядело почти сказочно. Я была в восторге.

– Ну, вообще-то, – заметил Илайдж, оглядывая салон с видом эксперта, – раньше, когда я летал с отцом, бизнес-класс был куда круче. Максим, наверное, сэкономил – купил ка-

кой-нибудь полубизнес. Скряга...

Он шмыгнул носом и юркнул к иллюминатору. Быстро пристегнулся, глотком осушил бокал шампанского – потом и мой. Вставил в уши наушники, натянул маску для сна и, попросив разбудить, когда принесут обед, захрапел. Даже не дождавшись взлёта.

Я, сопя, засунула переноску с Барни под кресло, приоткрыла дверцу. Пёс выдал возмущённое «уф», но, почуяв мою руку, успокоился и довольно быстро засопел.

Затем я потянулась к полке, чтобы закинуть наш багаж – мою сумку и рюкзак Илайджа, но мне не хватило роста. Максим, заметив мою возню, молча подошёл и помог. Я тихо кивнула в знак благодарности.

А Илайдж... спал. С лицом, закрытым маской, и головой, неуклюже запрокинутой назад.

Я бросила взгляд через проход – Стейси и Максим сидели рядом. Они о чём-то тихо разговаривали, держались за руки. Лица их были мягкими, спокойными. Не было в них ничего показного – только искренность и нежность. Та, о которой и я мечтала.

Самолёт оторвался от земли.

Я открыла заметки на телефоне и снова перечитала краткий сюжет постановки.

Грей – странствующий певец с чистым сердцем – случайно попадает в город, где Рождество под запретом. Его песня становится искрой, зажигающей сердца. А в финале он исче-

зает, как дух чуда, оставляя после себя свет и тишину. Нет, не тишину – эхо. Потому что песня уже живёт в людях.

Я закрыла глаза и попыталась представить костюм Илайджа. Что-то необычное, воздушное, но не глупое. Белая льняная рубашка, длинный тёмно-синий плащ, будто звёздное небо, и тонкий колокольчик на запястье, что звенит только в момент чуда.

Он появится на сцене – тихо, почти незаметно. И запоёт.

Его голос – глубокий, сильный, с трещинкой... будто дерево в мороз. От этой мысли у меня по спине пробежали мурашки. Он правда красиво поёт.

Я украдкой взглянула на него. Он спал. Рядом – пустой бокал из-под шампанского.

Я вздохнула и поправила ему шарф, чтобы не дуло.

Он всё-таки хороший. Где-то глубоко внутри.

Раз согласился участвовать в моей постановке, в этом спектакле, который для меня так важен. Даже если сначала бурчал, что «это всё детский утренник под кокосами».

Он согласился.

А это значит – ему не всё равно.

Может, если он споёт эту песню, если на миг станет Гре-ем в глазах зрителей... он сам поверит, что способен зажечь свет. Пусть не для всех. Хоть бы для меня.

И что-то, что может согреть тех, кто будет это смотреть...

Наверное, я и вправду нуждалась в чуде.

И где, как не в Раю, искать его?

Глава 4: Знакомство с «Раем».

В небольшом островном аэропорту нас встречали Асам и его жена Майя. Они обнимались со Стейси и Максимом, словно со старыми друзьями, которых не видели много лет. Было видно: они и правда скучали друг по другу.

– Это моя младшая сестра Барбара, – сказала Стейси. – А это... её парень Илайдж.

– Меня зовут Асам, – мужчина говорил с заметным азиатским акцентом. – Я – управляющий. А это моя жена Майя. Она не говорит на вашем языке, но немного понимает. Она будет убирать в ваших домиках.

Майя вежливо поклонилась, её тёмные глаза мягко блеснули.

– Твоя речь стала намного лучше, Асам, – заметил Максим.

– Да-а, Асам много заниматься, чтобы говорить хорошо ваш язык, – с гордостью ответил он.

Мы все улыбнулись и двинулись к парковке. Там нас ждал белоснежный «Опель». Мы сбросили тёплые вещи, закинули сумки в багажник – и впервые по-настоящему вдохнули местный воздух. Он был горячий, плотный, будто насыщенный светом. Повсюду щебетали птицы. Солнце – яркое, но не злое – рассыпалось на коже тёплыми бликами.

Асам сел за руль, а Майя – рядом, на переднее сиденье. На колени она поставила переноску с Барни, а мы устроились сзади. Машина была просторной, но для четверых взрослых,

особенно учитывая наших «великанов», оказалась тесноватой..

– Девочки, усаживайтесь к нам на коленки, – игриво предложил Максим.

Стейси тут же устроилась у него на коленях, выглядела крошечной рядом с ним. Я тоже было потянулась к Илайджу, но он поморщился:

– Барб, ты в последнее время налегаешь на мучное. Несмотря на мою спортивную подготовку, мне тяжело тебя держать. Подумай об этом и займись собой, детка.

Я мысленно выругалась – из памяти вынырнули самые крепкие слова, какие только знала. Слов не хватало – особенно цензурных. Пришлось втиснуться между Илайджем и Максимом. Тесно, но терпимо.

– Надо подумать о более вместительных авто для трансфера, – заметила Стейси, поудобнее устраиваясь.

– Уже вписал в план улучшений, – отозвался Максим, не теряя улыбки.

Мы ехали по главному острову, и я пыталась рассмотреть всё через лобовое стекло, вбирая в себя всё: дышащую зелень, синие вспышки океана между деревьями, местных жителей в пёстрых одеждах, туристов в панамах и с фотоаппаратами. Все они казались счастливыми, как в рекламной открытке.

Когда мы добрались до пристани, пересели на катер. Океан был безмятежен. Вода – цвета расплавленного лазурита.

Я никогда раньше не видела такого синего.

– Сначала везу мисс Барбара и мистер... Ил... Ила... и мистера Барбара, – смущённо выдал Асам. Видимо, имя «Илайдж» оказалось для него слишком сложным. – Ваш остров – сначала. Потом – мистер Максим и мисс Стейси.

– Миссис, – мягко, но с достоинством поправила сестра.

– Миссис Стейси, – с уважением повторил он. – Я везти вас в ваш домик. На ваш остров. Ваш Хани Мун.

Стейси взглянула на Максима, и тотчас же ответный, счастливый взгляд скользнул между ними. Это место, очевидно, значило для них гораздо больше, чем просто курорт.

Когда мы подплыли к нашему берегу, я замерла. Ощущение было такое, будто на секунду выдернули из времени и уронили прямо в открытку. Или в сон.

Белый песок. Ласковый плеск волн. Гигантские пальмовые листья качались над крышей уютного домика, словно махали нам в приветствии. Дом был выстроен из дерева и камня, утопал в цветах и казался частью ландшафта – неотъемлемой частью этой идиллии.

Но настоящая жемчужина – платформа прямо в океане. Стейси когда-то рассказывала о ней, но вживую она выглядела как сон. Деревянная платформа с высоким матрасом, застеленным белоснежным бельём. Над ним – воздушный балдахин, который трепетал от морского ветра, как облако.

Всё это выглядело как декорации к рекламе шоколадного батончика с кокосовой начинкой – только живое, тёплое,

настоящее.

Я стояла на носу катера, держась за перила, и впервые за долгое время чувствовала невероятный восторг – как ребёнок, впервые попавший в Диснейленд.

Мы сошли с катера, ступили на деревянный причал, который пружинил под ногами. Илайдж выглядел нейтрально, но по его глазам казалось, что он доволен. Или, по крайней мере, не раздражён. Уже хорошо.

Я выпустила Барни из переноски. Он как безумный заметался по пляжу. Бедный пёс совсем замучился сидеть много часов в тесной клетке.

Домик оказался ещё уютнее, чем я ожидала. Пол из светлого дерева, высокие потолки, белые полотняные занавески, пропускающие мягкий свет. Всё дышало тишиной и каким-то непривычным, почти странным покоем. Большая кровать с балдахином стояла у панорамного окна – из него открывался вид прямо на океан. Рядом – круглый деревянный стол, две плетёные кушетки, комод с рельефной резьбой и ванная зона, отделённая лишь тонкой фанерной стенкой и дверью. Пространство было открытым, словно сам дом знал, что прятать тут нечего.

– Ну, симпатично, – бросил Илайдж, проходя внутрь.

Я достала из сумки собачий корм и миски для еды и воды, наполнила их. Пёс радостно приступил к трапезе.

Илайдж направился в ванную. Я услышала, как он включает душ – шум воды мгновенно наполнил весь домик. Я сто-

яла в центре комнаты и смотрела, как за прозрачными стенами медленно темнело небо.

В воображении всплыли образы: я и он – в этой комнате, на этой кровати, под балдахином, на платформе. Я в его объятиях, кожа влажная от душа, он улыбается, склоняется ко мне, наши тела сплетаются...

На порыве чего-то отчаянного и верящего я сбросила с себя всё. Юбку, футболку, нижнее бельё. Всё – до последней ниточки. Стояла абсолютно голая, ожидая, пока он выйдет. Открытая. Уязвимая. Готовая. Ждущая прикосновения. Желания.

Дверь душа со скрипом открылась, и Илайдж вышел, вытирая волосы. На нём было лишь полотенце, с небрежной лентой повязанное на бёдрах. Капли воды стекали по его плечам, груди, животу.

Я сделала шаг к нему:

– Ты выглядишь как реклама парфюма, – сказала я тихо, с соблазнительной улыбкой. – И признаюсь – у меня всегда была такая дикая фантазия... Заняться любовью с кем-то из рекламы...

Он взглянул на меня, подняв бровь. На долю секунды задержал взгляд, потом отвёл.

– Барб, тебе бы остудиться немного, – сказал он и прошёл мимо, словно мимо мебели. – Ты кидаешься на меня, как хищница на раненого кролика.

Я осталась стоять, так и не дойдя до него. Обнажённая.

Уязвимая. Вдруг осознавшая, насколько глупо выгляжу. Жар обжигал не от страсти – от стыда. Я молча натянула футболку и отвернулась.

– Я просто... мы же вдвоём, ты только из душа... я... – проговорила уже неуверенно, неумело. – Ну и я голая...

– Я устал. – Он сбросил полотенце в корзину, надел шорты и майку. – Я хочу поесть и лечь. А ты, если не хочешь умереть с голоду, могла бы что-нибудь приготовить.

Он даже не сказал это злобно. Скорее – буднично. Словно это не унижительно, а просто функционально.

Мне захотелось ударить тарелкой об стену. Или по нему. Вместо этого я прошла на кухню, сжав зубы. В холодильнике оказались аккуратно уложенные контейнеры – курортные работники заранее позаботились о нас. Я открыла крышку: рис с овощами, рыба, какие-то соусы. Всё вкусно пахло. Я молча разогрела еду, наложила в тарелку, поставила на поднос. Сверху – приборы и салфетка. Он сел за стол.

– Ваш ужин, повелитель, – язвительно сказала я, опуская поднос перед ним. – Позвольте мне ещё почесать вам спину? Или унести вас к постели на руках?

Илайдж бросил на меня уставший, колючий взгляд.

– Смешно, Барбара.

Он ел молча, не глядя на меня, как будто я растворилась в воздухе. Доев, просто поднялся и лёг на кровать, даже не выключив свет. Захрапел через минуту.

Время было восемь вечера. Рано для сна. Я взяла плед

и вышла из домика на платформу. Барни выбежал вслед за мной.

Ветер здесь был тёплый, как дыхание. Солнце уже опускалось за горизонт, золотая дорожка дрожала на воде. Всё было как в кино: звуки природы, мерцание заката, лёгкий шелест океана. Я села на матрас, подогнув ноги под себя. Пёс улёгся рядом и уже дремал, подёргивая лапой. Небо над головой густело, превращаясь в холст для первых звёзд.

Я думала о завтрашнем дне. О репетиции. О музыке. О том, как Илайдж споёт на сцене. Может быть, если он запоёт, то сам вспомнит, кто он есть на самом деле. Или хотя бы перестанет вести себя, как обиженный король. Я не знала, почему снова ищу для него оправдания. Может, потому что хотела верить, что он всё же не пуст внутри.

Мой взгляд снова скользнул к океану. Он был неподвижен, как зеркало. И в этой зеркальной воде что-то звало меня. Манило. Словно шептало: «Иди ко мне».

Я подумала о том, как глупо – не уметь плавать, когда вокруг такая вода. Океан казался живым существом – большим и добрым. И я вдруг почувствовала, как сильно мне хочется войти в него. Раствориться.

Я прилегла на подушки, завернулась в плед. Ткани балдахина трепетали, ветер щекотал щёки. Где-то внутри ещё жила обида. Но поверх неё уже поднималась тишина – не пустота, а мягкое, медленное затухание всех чувств. Нежное, как вечер.

И я не заметила, как заснула – прямо здесь, на платформе над водой, с лицом, обращённым к небу, которое теперь начинало петь звёздами.

Глава 5: Маленький театр.

В ту ночь мне впервые приснился странный, будто живой сон. Я не была собой – становилась то водой, то рыбой, то самой тенью под водой. Плыла, неслась, растворялась. Океан был не пугающим, а родным. Он не уносил, а принимал. Обволакивал меня, качал, как колыбель.

Потом из темноты появилась старуха – кожа сморщенная, как кора у старого дерева, глаза – как глубокие воронки, в которых отражалось небо. Она обняла меня – крепко, почти душа в душу – и прошептала:

– Добро пожаловать домой. Ты вернулась.

Я проснулась от криков чаек. Океан шумел рядом, лёгкий бриз трепал балдахин. Я села, укуталась в плед и посмотрела на горизонт. Покой. Удивительное чувство покоя. А ещё – странная грусть. Как будто что-то важное мне уже было сказано, но я не успела это понять.

В голове возник вопрос: **искал ли меня Илайдж?**

Я вернулась в домик. Он всё ещё спал, развалившись на

всю кровать. Я ткнула его подушкой. Он застонал, открыл один глаз.

– Доброе утро, – сказала я.

Он пробурчал что-то нечленораздельное, но всё же сел, почесав затылок.

Я позвонила Стейси. Она ответила почти сразу:

– Доброе утро, спящие красавцы. Через сорок минут катер будет у вашего острова. Готовьтесь! Сегодня – день дела.

– Что в программе? – зевнула я.

– Еда, встреча с мэром и... посмотрим место, которое администрация предлагает для театра. Может, оно тебе понравится.

Катер доставил нас на главный остров. Воздух был густ от ароматов: жареных бананов, копчёной рыбы, пряностей. Мы пошли в местную закусочную – деревянную постройку с яркими флагами, столиками на улице и ни одним свободным местом. Нам, впрочем, выделили отдельный стол – под тентом из пальмовых листьев.

Местная еда оказалась потрясающей. Обжаренные кусочки рыбы, свежие фрукты, хлеб из маниоки. Всё просто, но невероятно вкусно.

Рядом, у обочины, я заметила мемориал – каменную плиту с именами. В центре – выгравированная надпись: **"В память о тех, кого забрали стихии."** Стейси подошла ближе, провела пальцами по буквам. Я вгляделась – и среди имён увидела одно, от которого у меня сжалось сердце:

Амадео Фернандес. Муж Роуз. Он тоже был там.

Я ничего не сказала. Просто постояла рядом. Мы помолчали. Максим тоже подошёл и обнял Стейси. Мы вместе разделили этот момент скорби. Только ветер шумел в листве, и звуки закуской казались далёкими.

Позже мы направились смотреть то самое место для театра. Нам показали площадку чуть выше уровня океана, на холме, утопающем в зелени. С площадки открывался потрясающий вид на бухту. Здесь всё дышало историей и вдохновением: древние деревья – будто гигантские декорации, плоские камни, на которых так хотелось присесть, обсуждая идеи.

– Ну как тебе? – спросил мэр острова, пожилой мужчина

с яркими глазами.

– Это... потрясающе, – выдохнула я. – Здесь просто слышится музыка.

– Так покажи, – предложила Стейси. – Пусть Илайдж споёт. Пусть это место услышит.

– Не сейчас, – замялся он, глядя в землю.

– Спой. Прошу, – сказала я тихо, но уверенно. Все поддержали меня. Его это было уважено.

Он сделал вдох, закрыл глаза и... запел главную партию Грея из моей постановки. Мы несколько раз репетировали её вместе ещё дома:

Где живёт Рождество —

Не в гирлянде, не в снеге.

Где спасён хоть один,

Где прощают других.

Где ребёнок уснёт —

Не в страхе, а в вере,

Что любовь – не подарок,

А свет в темноте...

Мы все заплодировали – я, Стейси, Максим, мэр и его жена. Даже пара прохожих остановилась и послушала.

– А можно я тоже буду в театре? – вдруг спросил мальчик лет шести-семи, выбежавший из-за спины мэра. – Я могу говорить громко! И прыгать! Я выучу любое слово, честно!

Я улыбнулась и присела к нему:

– Конечно, будешь. Я даже придумаю для тебя особенную роль. Только твою.

– Правда? – его глаза сияли.

Мэр переглянулся с женой. Оба казались немного растерянными.

– Я не уверена, что это хорошая идея, – тихо сказала женщина. – Всё-таки это не наша традиционная церемония...

– Но я хочу! – воскликнул мальчик. – Я готов репетиро-

вать прямо сейчас!

Мэр вздохнул, посмотрел на нас, потом на сына:

– Ладно. Пусть попробует. Это просто театр, в конце концов.

– Да! – Он подпрыгнул от счастья.

Мэр достал из папки аккуратно сверстанные листовки и передал их нам:

– Мы всё распечатали. Тут указано, что прослушивания сегодня вечером. Надеемся, будет много желающих. Удачи вам!

Мы с Илайджем и Стейси пошли по улицам острова, заглядывая в лавки, кафе, мастерские. Листовки оставляли на стойках баров, на дверях, рядом с меню. Я наблюдала за лицами, когда рассказывала о проекте: у кого-то появлялась осторожная улыбка, кто-то сразу начинал задавать вопросы, кто-то просто отмахивался.

Я уже мысленно распределяла роли. Вот та женщина в длинной белой рубашке – в голосе её что-то ранимое, тонкое. Может, Мэрша? Или, наоборот, Эмми – если в ней больше

света, чем боли. А вон тот высокий парень с гитарой за спиной – возможно, в нём есть что-то от Арно.

Полдень прошёл в этом вдохновлённом полутрансе – я будто уже видела сцены на холме, слышала реплики, представляла, как вспыхнет свет под финальную песню. Всё дышало началом.

К закату мы с Илайджем пришли на площадку, где должно было пройти прослушивание. Мы расставили фонари, проверили колонку, включили лёгкую инструментальную музыку с оттенком волшебства. Я перебрала записи, повторила про себя вступительную речь. Илайдж сидел на камне, уткнувшись в телефон, молчаливый и отстранённый.

– А если никто не придёт? – прошептала я, чувствуя, как в животе начинает клубиться волнение.

– Может и такое быть, – ответил он, не поднимая головы.

Я мучительно ждала.

И всё же люди начали приходить...

Сначала – пара девушек в ярких платьях. Потом – подросток с наушниками и блокнотом, местный парень с гитарой, пожилая женщина, представившаяся учительницей музыки.

Подходили поодиночке и парами: туристы, жители, случайные прохожие. К моменту, когда солнце скрылось за линией горизонта, нас собралось около пятнадцати человек. Все очень разные. И все – живые.

Я вышла вперёд.

– Добрый вечер! – начала я. Голос дрогнул, но я удержалась. – Меня зовут Барбара, и я – режиссёр проекта, который мы готовим специально к празднику Рождества. В этом году мы хотим рассказать историю о потере и надежде. О городе, где было запрещено Рождество, о женщине, потерявшей голос, и о страннике, который однажды вернулся, чтобы напомнить: чудо – это не сказка. Это – выбор.

Я сделала паузу и посмотрела в глаза тем, кто стоял передо мной.

– Спектакль называется «Где живёт Рождество». Это история о голосе, который можно вернуть. О мелодии, которую нельзя убить. О том, что Рождество – это не дата, а состояние сердца.

Я вдохнула глубже.

– Нам нужны исполнители: актёры, певцы, рассказчики. Но главное – ваше желание. Вы не обязаны быть профессионалами. Если у вас есть голос – мы его услышим. Если у вас есть эмоция – мы найдём для неё сцену. Всё, что нужно, – быть честными, открытыми, искренними.

Я замолчала. Ветер шевельнул листовки у моих ног. Где-то вдалеке послышался плеск воды.

– Давайте не бояться. Давайте говорить.

Я кивнула Илайджу. Он включил первую мелодию.

Прослушивание началось.

Первыми на сцену вышли две девушки в ярких платьях. Одна из них, по имени Лана, немного волновалась. Я предложила ей прочесть отрывок реплики Эмми – в голосе появилась дерзость и живой огонь. Мы с Илайджем переглянулись: Эмми. Определённо.

Вторая, Тина, была более сдержанной и мягкой, но её глаза светились, когда она читала текст Луиса. Неожиданно – но сработало. В ней был тот самый подростковый дух протеста – тонкий и упрямый. Мы решили, что они сыграют брата с сестрой – просто поменяем гендерные акценты. Это неважно. Главное – энергия.

Парень с гитарой – Жюль, француз из числа туристов, – попросил текст песни Грея, затем сел на край сцены и, почти не глядя на нас, спел, добавив к песне импровизированную музыку. Было хорошо. Очень искренне. Но не то. У него не было той тонкой, чистой, почти невесомой вибрации, которую мы уже знали – потому что ею обладал Илайдж. Я мягко поблагодарила Жюля и предложила ему стать музыкальным спутником Грея – своего рода современным Арно. Он кивнул, немного разочарованный.

Пожилая женщина, представившаяся как миссис Ковал, преподавательница музыки, читала текст мэрши. В её голосе была строгость, но не боль. Не трещина внутри, не замо-

роженное пение. Мы поблагодарили её и предложили взять роль Тёти Флоры. Она согласилась.

Потом на сцену вышла та самая женщина в белой рубашке, которую я заметила днём. Её звали Элис. Она прочла всего пару строк – и вдруг замолчала. Голос дрогнул. Мы ждали, не перебивая. И вдруг она сказала:

– Простите. Я с детства на сцене не пела.

Мы переглянулись с Илайджем. Вот она. Настоящая Мэрша. Я подошла к ней и сказала тихо:

– Именно это нам и нужно. Не петь – пока не придёт время.

Она кивнула. Без лишних слов.

Подросток с наушниками оказался немногословным, но и ему мы нашли роль одного из жителей городка. Он будет тем мальчиком, который запускает первую гирлянду на площади.

Маленький сын мэра – Тимми – подошёл ко мне и спросил:

– А можно я буду снежинкой?

Я рассмеялась:

– Ты будешь особенной снежинкой. Самой главной. У тебя будет своя реплика.

– Правда?

– Да. С неё начнётся финальная сцена.

Мэр, стоявший в сторонке, улыбнулся.

А потом вышел Илайдж. Хотя мы знали, что главную роль

– Грея – будет исполнять он, я всё равно затаила дыхание. Он встал в центре, закрыл глаза, сделал паузу... и запел. Без микрофона. Без музыки.

Его голос всегда производил впечатление. Люди перестали шептаться. Даже дети замерли.

Когда он закончил, стояла тишина. А потом кто-то тихо зааплодировал. Остальные подхватили.

– Главная роль уже найдена, – сказала я вслух и улыбнулась Илайджу.

Так наш состав собрался. Мы договорились встретиться на следующий день для первой читки. Мы раздали всем реплики для разучивания. Уходя с площадки, я была уверена: у нас всё получится.

Глава 6: Громкая реплика.

Ночью мне снова снился океан. Не просто вода – настоящая бездна. В том сне я стояла по колени в холодных волнах, смотрела в чёрную даль и чувствовала, как за спиной что-то рушится. Будто берег, на котором я стояла, трескался и уходил под воду. Я кричала – но звука не было. Только ветер и глухой гул.

Я проснулась резко, с сердцем, бьющимся в горле. Барни поднял голову с пола, тихонько заскулил. Я погладила его между ушей и прошептала:

– Всё хорошо...

Мы с Илайджем почти не разговаривали. После вдохновенного вечера кастинга наступило странное похмелье. Он всё время утыкался в телефон и, казалось, полностью выпал из происходящего.

А может, я просто наконец увидела то, чего не хотела признавать раньше.

Я провела весь день с Барни на пляже. Смотрела, как он бегаёт по отмелям. По совету Стейси читала сборник местных легенд. Неожиданно увлеклась: остров жил своей глубокой, почти мифической жизнью.

Я размышляла, медитировала. Океан очищал, словно вымывал из меня то, что больше не нужно, наполнял спокойствием и силой.

– Мы с тобой подружились, океан, – подумала я, глядя в бесконечную воду.

Первая репетиция началась вечером. Мы собрались на площадке ещё до заката. Кто-то принёс термос с чаем, кто-то – булочки и конфеты. Все были взволнованы, вдохновлены – это была настоящая труппа актёров...

Я дала вводные, и мы начали. Лана и Тина справлялись отлично, Элис в роли Мэрши звучала пугающе правдиво – даже её шёпот держал в напряжении. Все старались, ошибались, учились – как и должно быть.

Илайдж всё это время отстранённо молчал. Потом вышел на сцену, вошёл в образ, запел... Красиво. Как всегда. Но пусто, как будто без души.

И в этот момент его телефон, оставленный рядом с колонкой, начал вибрировать. Один раз. Потом второй. Потом третий. Сообщения сыпались, как дождь. Все старались не замечать, но он мешал. Я подошла, чтобы просто выключить звук.

На экране высветилось:

«Мечтаю скорее тебя поцеловать»

Рука сама нажала. Переписка открылась. Имя – Сью. Несколько дней. Их сообщения:

«Когда вернусь, не отпущу»

«Она нормально отреагировала? Больше не угрожала? Тебе не страшно?»

«Да, мы с ней уже расстались. Просто жду, когда закончится отпуск – раньше не могу вернуться. Не зря же я его оплатил. Она истеричка. Не парься»

«Ты мой. Я тебя дождусь»

«Тебе никто не нужен, кроме меня»

Мир вокруг стал тише. Я стояла, глядя в экран, и будто земля провалилась у меня под ногами.

– Это что, шутка? – вырвалось у меня. – Или ты просто ждал, пока я сама всё увижу?!

Все замерли. Илайдж обернулся. Увидел в моих руках телефон.

– Барбара... – начал он.

– Не смей! – я бросила ему телефон. – Не смей опять пытаться обвинить во всём меня! Ты крутишь любовь с другой, пока я живу с тобой в одной комнате?

Он взял телефон, посмотрел на него, потом на меня. На миг задумался. Потом сказал быстро:

– Я просто... хотел понять. Проверить, что ты чувствуешь. Что ты не всё отпустила. Мы с ней переписывались – и что? Может, мне нужно было увидеть твою реакцию!

– Проверить?! – я почти рассмеялась. – Ты предаёшь – чтобы я ревновала?

– Ты всегда всё усложняешь! Я просто... хотел, чтобы стало по-настоящему. Чтобы снова что-то почувствовать!

– Тогда почувствуй это, – прошептала я. Злость разрывала меня на куски. – Убирайся! Я не хочу ни секунды находиться с тобой на одном острове!

Он замер.

– Что? Куда я должен исчезнуть? Ты сумасшедшая!

– Сейчас позвоню Максиму. Ты улетишь ближайшим рейсом. Ты не просто сломал спектакль, Илайдж. Ты сломал всё!

Он шагнул ближе, почти сквозь зубы:

– Не думай, что я оставлю это просто так.

– А ты не думай, что я испугаюсь тебя! Ты слабак, Илайдж! Ты никто! – ответила я, глядя прямо в его глаза.

Я повернулась к труппе, всё ещё застывшей в тишине.

– Репетиция продолжается. Есть желающие на его роль?

Жюль, наш француз, сразу шагнул вперёд.

– Я попробую, – сказал он серьёзно.

Я прервалась и позвонила Максиму. Он нашёл ближайший билет – вылет через два часа. Илайдж, кипящий от ярости, побежал собирать вещи.

– Давай-давай, беги! Тебе полезно! – крикнула я ему вслед. – И не пытайся ничего украсить, как в тот раз с маминной статуэткой. Я всё проверю!

– Стерва глупая! – донеслось в ответ.

Я повернулась – труппа всё ещё стояла, не зная, что сказать. Кто-то отвёл глаза. Кто-то кивнул сочувственно.

Мы попробовали продолжить, но сцена не клеилась. Жюль пел арии неуверенно, текст путался, энергия исчезла.

Я понимала: нужна пауза.

– Продолжим завтра в это же время, – сказала я тихо. – Всем спасибо.

Мы начали расходиться. Я могла сдерживать слезы, ровно до того момента, пока последний человек не пропал из зоны моей видимости. Ручьи обиды и разочарования хлынули по щекам. Злость сменилась опустошенностью...

Глава 7: Альбинос.

Ночь. Мягкая, густая, как фетр. Я сидела на своей платформе и смотрела в тёмную гладь океана. Луна, как тонкая монета, отражалась в чёрной воде, но света почти не было – только чуть-чуть, чтобы обозначить контуры волн. Барни сопел рядом, свернувшись клубочком, как грелка, и мне казалось, что только его дыхание и удерживает меня в этом мире.

Мне было плохо. По-настоящему. Та пустота, которую я старалась не замечать, расползлась внутри, как холод. Хотелось позвонить Стейси – просто услышать живой голос. Но на часах была почти половина второго ночи. Она наверняка спит, обнимая подушку или мужа. Звонить в такое время – слишком. Даже любимой сестре.

Я в который раз подумала: сколько времени я потратила на него? Сколько чувств, сколько любви, сколько ожиданий? Всё – зря. Сначала я пыталась найти в этом хоть какой-то смысл. Какой урок мне это должно было преподнести? Что

я должна была понять? Но ответов не было. Только немой ветер с океана и липкая усталость.

А потом пришло нечто похуже – осознание.

Он меня не любил.

Ни тогда, ни сейчас, ни когда-либо.

Я начала перебирать в памяти эпизоды, как в старой коробке, где раньше хранились письма и фотографии. Хоть бы одно доказательство... хоть что-то. Где-то он должен был дать понять, что я для него – свет. Что он боится меня потерять. Или... хотя бы просто по-настоящему посмотрел бы в глаза, когда обнимал.

Но там ничего не было. Только пустота. Он просто позволял мне любить его. Ему нравилось, как я старалась. Как подбирала слова, вытаскивала его из уныния, делала сюрпризы. Я тянула всё – даже его самооценку.

И как гвоздь в крышку гроба – мысль о спектакле.

Через неделю – Рождество. Через неделю – премьера. А кто сыграет Грея? Даже если на остров прилетит турист с идеальным голосом, как мне его найти? Как уговорить? Как ввести в материал за несколько дней?

Я вжалась в покрывало, брошенное на матрас. Ветер дул с океана – прохладный и влажный. Было тихо.

Барни вдруг приподнялся. Его уши насторожились. Он тихо зарычал.

– Что там? – прошептала я.

Он соскочил с платформы и пошёл к берегу, будто вынюхивая след. И тут громко залаял, найдя источник своего беспокойства. Присмотревшись, я увидела: у линии воды что-то белое и округлое.

Я вскочила и побежала за ним. Под ногами поскрипывал песок, прохладный и мокрый. Обогнув валун, за которым скрылся Барни, я остановилась.

Это была черепаха.

Огромная. Абсолютно белая. Не просто белая – альбинос. Я не знала, бывают ли такие вообще.

– Барни, тихо... – Он лаял, как безумный, и мне пришлось резко прикрикнуть, чтобы не спугнуть гостью.

Я опустилась на корточки. Какая же эта черепаха была невероятно красивая. Узоры на белоснежном панцире напоминали древние наскальные символы. Кожа была как у обычных черепах, но из-за своего снежного цвета казалась будто бы ненастоящей.

– Можно до тебя дотронуться? – спросила я, не ожидая ответа. Но в этот момент черепаха повернула ко мне голову – и я оторопела. У неё были голубые глаза. Яркие и такие осознанные, что в голове пронеслось: «Животное ты или дух? Или призрак?..»

Я не верила в подобные вещи, но, глядя на неё, по телу побежали мурашки. Я медленно поднесла руку к панцирю и

погладила его. Холодный. Твёрдый. Но осязаемый. Значит, не призрак, – успокоила я себя.

И вдруг...

Барни взвыл. По-настоящему. Протяжно, как киношный оборотень. Он сорвался с места и бросился в заросли за домиком. Его маленькое тело мелькнуло и исчезло в темноте.

– Барни! Барни, вернись! – закричала я, вскакивая. – Глупый пёс, вернись сейчас же!

Черепаша медленно повернула голову в ту же сторону, словно наблюдая. Но я не могла задерживаться. Если он потеряется – я себе не прощу. Я сорвалась с места и побежала за псом в темноту.

Я вбежала в густые заросли и тут же поняла, что мои босоножки остались на платформе. Босые ноги болезненно натыкались на сухие ветки и острые камни. Я старалась идти осторожно, но всё же несколько раз получила по лицу ветками. Я всё ещё слышала лай Барни, но он становился всё тише – я сильно отставала.

Вдруг лай совсем затих.

Только не это!

Я затаилась, прислушалась... И услышала что-то. Но это был не лай. Это было... пение?

Я пошла на звук. Песня становилась всё громче, яснее. А моё изумление – всё сильнее. Что это за голос?.. Это ангелы поют? Я никогда в жизни не слышала ничего подобного.

Слова были мне непонятны – язык незнакомый. Но голос не нуждался в переводчике. Он проникал прямо в сердце – и раскрывался там.

Я подошла ближе. Выйдя из чащи, оказалась в каком-то волшебном месте. На поляне, окружённой высокими тропическими деревьями, словно в чаше, мерцало озеро. Оно было сказочно бирюзовым, будто кто-то нарочно его выкрасил. А в воде, ко мне спиной, стоял... парень. И пел.

Барни сидел на берегу и, как замороженный, смотрел на него. Я сделала шаг – и под ногой треснула ветка.

Парень обернулся.

Мне показалось, что я увидела божество.

Он был молодой, белый, как альбинос, с безупречно красивыми, почти ангельскими чертами. Очень высокий, стройный, широкоплечий. Его обнажённый торс был рельефным и влажным от воды. Белоснежные локоны спадали до плеч. А глаза... огромные, прозрачно-голубые. Они смотрели на меня без всякого выражения.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он тихим голосом.

– Я... собака, – начала я и тут же запуталась. – В смысле, не я собака... моя собака...

Мне показалось, я закончила мысль, и даже попыталась улыбнуться. Получилось странно.

Он продолжал смотреть – кажется, даже не моргая. А потом, тем самым голосом, каким говорят с маленькими

детьми... или с душевнобольными, произнёс по слогам:

– Ты по-те-ря-лась? Те-бе ну-жна по-мощь?

– О, Господи, да я не больна! – я залилась краской. – Я туристка. Из домика на пляже. А мой пёс – он вдруг побежал в лес. Мне пришлось за ним. И вот я его нашла.

– Понял, – коротко кивнул он.

Наше молчание неловко затянулось. Он начал медленно выходить из воды, и я поняла, что он без одежды. Совсем. Я отвернулась.

– Извини, если смутил. Я забываю, что вы – туристы – стесняетесь наготы. Я уже оделся.

Я обернулась.

Он стоял совсем рядом – лицом к лицу, если бы мы были одного роста. Но он был выше меня сантиметров на тридцать. Вблизи он казался ещё более совершенным. По его белоснежной коже скатывались капельки воды. Он был нереален. Я не знала, что сказать – все возможные начала разговора вылетели у меня из головы.

– Тебя проводить до домика? – нарушил он тишину.

– Да, давай, – у меня и в мыслях не было спорить с ним.

– Какой у тебя номер домика?

– Второй.

– Тогда нам сюда, – он взял меня за руку и пошёл вперёд, в густые заросли.

Я, как под гипнозом, пошла за ним. И Барни – следом, без всякой команды. Мы шли медленно. Он двигался грациозно,

как кот на охоте, спокойно отодвигая ветки, чтобы я могла пройти. Этот путь уже не казался таким трудным и болезненным, как раньше. Довольно быстро мы вышли на мой пляж.

– Вот мы и на месте, – улыбнувшись, я обнародовала очевидный факт.

– Как ты нашла озеро? – спросил он совершенно неожиданно.

– Я шла на твой голос. Ты поёшь необыкновенно красиво. Я никогда в жизни не слышала ничего подобного.

– Это... подарок духов, – сказал он, как нечто само собой разумеющееся. – Незаслуженный подарок. Который я бы отдал, если бы мог.

Теперь, при свете луны, я заметила, что его зрачки необычно большие – почти перекрывают радужку.

– Почему ты недоволен таким щедрым даром? Что плохого – иметь такой голос? – осторожно спросила я.

– Пойдём, посидим у воды? – предложил он, уклоняясь от ответа.

Мы прошли на платформу. Я села на матрас лицом к океану. Он сел рядом. Меня удивило, насколько близко – почти вплотную. Он совсем не соблюдал ту дистанцию, которую обычно держат при таком коротком знакомстве.

– Так... чем плох твой голос? – напомнила я.

– Голос не плох. Здесь другое. Представь: ты ребёнок. Ведёшь себя ужасно. Просто отвратительно. Делаешь по-настоящему плохие поступки. Но кто-то, кто тебя очень любит и

ничего не знает о твоих делах, вдруг дарит тебе самый лучший подарок. А потом узнаёт правду. Но уже не может этот дар забрать. Как бы ты себя чувствовала?

– Думаю... отвратительно, – сказала я тихо.

– А ты бы хотела, чтобы у тебя отобрали этот подарок?

Или хотя бы как-то наказали? – спросил он, не глядя на меня.

– Да. Думаю, что да, – кивнула я, понимая, о чём он.

Мы оба замолчали и смотрели на океан. Волнение воды будто совпадало с тем, что я чувствовала внутри.

– Ты одна в домике живёшь? – спросил он.

Я знала, что нельзя говорить такое незнакомцам. Но почему-то нарушила это правило.

– С сегодняшней ночи – одна.

– У парня появились... дела?

– Можно и так сказать, – я усмехнулась. – Дела с длинными ногами, судя по фото на её аватарке.

– О, понял, – он понимающе кивнул. – Ты в порядке?

– Мне стало легче, когда я встретила тебя. В такие моменты... кризисные... мне особенно тяжело быть одной. Одиночество пугает меня до ужаса.

Барни как угорелый носился по пляжу, то вбегая, то выбегая из воды.

– Я, возможно, не лучший собеседник. Практики давно не было. Но рад, если смог хоть немного помочь... А как тебя зовут? Прости, что так поздно спросил.

– Барбара. Можно просто Барб, – ответила я.

– Барби? Как кукла? – он улыбнулся. Улыбка... естественно, невероятная.

– Ну, можно и так, – я рассмеялась. – Но ты же, я так понимаю, местный?

– Да, всё так.

– А откуда знаешь про кукол Барби?

– У нас есть интернет и смартфоны.

– Ой, точно, прости... Как глупо, – я почувствовала себя крайне неловко. – А как твоё имя?

– Авалон, – ответил он почти шёпотом.

Я на мгновение замерла, перекатывая в уме это слово.

– Авалон?.. Это очень красиво. И... необычно.

Он чуть наклонил голову, удивлённо приподняв бровь:

– Почему необычно?

– Ну... – я улыбнулась. – Звучит как что-то мистическое. Как затерянный остров в тумане, в самом сердце океана. Остров из легенд...

Он усмехнулся, его глаза на миг стали мягче.

– Это похоже на меня, – произнёс он с лёгкой, почти грустной иронией.

Наши взгляды встретились – и всё остальное исчезло: ни звуков, ни ветра, ни шума волн.

– Ты живёшь на этом острове? – спросила я, стараясь справиться с дрожью в голосе.

– Нет. На Центральном, – он взглянул в сторону, будто видел в темноте берег.

– А здесь что делал? – Я осторожно наклонилась ближе. Он замолчал на мгновение. Затем произнёс:

– Я прихожу туда, к озеру, потому что это место – моё. Моё убежище. О нём никто не знает. Я нахожу там уединение.

– Я... наоборот, не переношу одиночество, – призналась я. – Оно меня пугает. До паники. До слёз.

– Почему? – Он посмотрел прямо в меня, не отводя взгляда.

Я колебалась, но ощущение, что он действительно хочет услышать – не из вежливости, а по-настоящему – дало мне храбрость.

– Потому что в одиночестве я исчезаю. Как будто перестаю существовать. Когда рядом никого нет – ни разговоров, ни движения, ни присутствия – я начинаю чувствовать, что меня тоже нет. Просто... пустота.

Он кивнул. Медленно. Понимающе.

– Ты боишься раствориться. А я боюсь быть увиденным. Нас, похоже, пугают противоположные вещи.

Мы замолчали. Сидели рядом и каждый думал о своём.

Я не сразу решилась, но всё же сказала:

– Авалон... я ставлю спектакль. Рождественский. И одна очень важная роль теперь свободна. Я бы хотела предложить её тебе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.